

Город и горожане в романе Данило Киша «Сад, пепел»

Сагалович Елена Владимировна
Соискатель

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: 79857601842@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1235-7413

Цитирование

Сагалович Е. В. Город и горожане в романе Данило Киша «Сад, пепел» // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 268–286.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.02

Статья поступила в редакцию 20.01.2023.

Аннотация

Роман сербского Данило Киша (1935–1989) «Сад, пепел» (1965) – его первое крупное произведение. Роман демонстрирует окончательно сформировавшийся стиль писателя, модели и приемы, ключевые темы и понятия. Топосы и локусы города, а также социально-антропологические типы горожан представлены через призму «детской перспективы» в воспоминаниях героя-рассказчика, окрашенных горькой иронией взрослого. Город предстает наполненным звуками, красками, запахами, а детская память фиксирует городские легенды, слухи и повседневные практики горожан (загородные прогулки по воскресеньям). В романе также присутствуют особые пространства (гетеротопии) — комната в доме на Улице конских каштанов, купе поезда, гетто, куда отправляют отца, – где герой-рассказчик переживает особый опыт. Роман опирается на факты биографии писателя, тесно связанные с трагическими событиями XX в. (Вторая мировая война, гибель отца в Аушвице).

Ключевые слова

Данило Киш, топос, локус, гетеротопия, экфрасис, социально-антропологический тип.

*Психологическим основанием, на котором
покоится тип индивидуальности,
характерный для большого города,
является усиление нервной деятельности,
происходящее от быстрой и
непрерывной смены впечатлений¹*

Вынесенное в эпиграф наблюдение Георга Зиммеля (1858–1918), немецкого философа и социолога, можно отнести практически к любому персонажу любого литературного произведения, действие которого происходит в большом городе. Взрывной рост городов в эпоху промышленной революции не мог не отразиться в художественной литературе, а антропологический поворот в социальных науках в начале XX в. не мог не затронуть понимание города как особой среды. Г. Зиммель, возможно, первым фиксирует тектонические сдвиги в эпоху индустриально-конвейерного производства и сосредоточивается на человеке, уделяя особое внимание повседневному существованию, особым практикам и ритуалам горожан. По Зиммелю, горожанин — существо рассудочное, в отличие от жителя деревни, который «ориентирован скорее на сердце, на отношения, основанные на чувствах»², так как для него это способ противостоять агрессии внешней среды и защищаться от ее противоречий. Однако с утверждением о рассудочности городского жителя и противопоставлением ее «чувствительности» сельского можно будет поспорить; в частности, такой материал исследователю предоставляет роман Данило Киша «Сад, пепел» (1965).

Данило Киш (1935–1989) – выдающийся сербский писатель второй половины XX в. За прошедшие тридцать с небольшим лет его творчество стало частью национального и общекультурного канона. Произведения Д. Киша включены в школьную программу («Ранние горести» в Сербии, «Сад, пепел» и «Ранние горести» в Республике Сербской БиГ), переведены на множество языков.

Роман Д. Киша «Сад, пепел» – это первое крупное произведение писателя, составившее впоследствии со сборником рассказов «Ранние горести. Для детей и чувствительных»³ (1970) и романом «Песочные

1 Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018. С. 76–77.

2 Там же. С. 78.

3 Подзаголовок сборника — аллюзия на книги для детей и трагическую судьбу (погиб в концлагере Дранси) французского поэта и художника Макса Жакоба (1876–1944).

часы» (1972) трилогию «Семейный цикл», названную самим автором «в духе лирической иронии»⁴ «Семейным цирком».

Именно произведения «Семейного цикла» демонстрируют окончательно сформировавшийся стиль писателя, модели и приемы, ключевые темы и понятия: образ отца, документ и воспоминания, сны и явь, смысл и бессмысленность жизни, изгнание и страдание изгнанника, чувства и послания преследуемой жертвы – складываются в коллаж и становятся константами повествовательной манеры, для которой характерно отсутствие линейного сюжета, фрагментарность и циклическая структура, поток сознания, постоянная рефлексия автора и его персонажей. Несмотря на использование постмодернистских приемов, Д. Киш не был носителем постмодернистского сознания или философии, и литературная игра никогда не была для него самоцелью. Один из ведущих исследователей творчества Киша М. Пантич в предисловии к академическому изданию пишет так: «Творчество Киша, если смотреть на него в целом, в найденном равновесии вымышленного ответа на многие труднейшие вопросы, заданные эпохой, и сопровождающего, также обязующего, убедительного и суггестивного обоснования взглядов писателя на поэтику со временем стало образцовым, эстетически реализованным примером воплощения идей высокого модернизма в сербской литературе второй половины XX века»⁵.

Роман «Сад, пепел», как и все произведения «Семейного цикла», почти документально опирается на биографию писателя. Данило Киш родился 22.02.1935 г. в городе Суботица (Королевство Югославия), в семье Эдуарда Кона (Киша), венгерского еврея, и Милицы Драгичевич, уроженки Черногории. В 1936 г. семья перебирается в Нови-Сад. После принятия Венгрией в 1939 г. антиеврейских законов Данило и его старшая сестра Даница были крещены в Успенской православной церкви, что позже спасло им жизнь. В апреле 1941 г., после раздела Югославии между гитлеровской Германией и ее союзниками, часть Воеводины с городом Нови-Сад отходит к Венгрии. Начинается применение антиеврейских законов. После «холодных дней» января 1942 г.⁶, когда произошло массовое убийство евреев,

4 *Пантич М.* Још једном о Данилу Кишу // Данило Киш. Нови-Сад, 2018. С. 7. Здесь и далее перевод Е. В. Сагалович.

5 Там же. С. 7–8.

6 23–26 января 1942 г. в результате рейдов и облав оккупантов было убито более 3 000 человек. Тела убитых были брошены в Дунай. Это

сербов, цыган и русинов, семья перебирается в северную Венгрию к родственникам отца. В 1944 г. Эдуарда Кона (Киша) и почти всех его родственников угоняют в Освенцим. Выжили немногие, о чем свидетельствует фрагмент письма, полученного Д. Кишем от венгерского кузена Банди в середине 50-х гг. К письму была приложена родословная, которую кузен сопроводил комментарием: «Прилагаю родословную, надеюсь, ты сумеешь разобраться. Те, рядом с именами которых я ставлю два креста (++), погибли в Аушвице, а те, где стоит один крест (+), умерли естественной смертью. <...> Надеюсь, ты мной доволен, что я так хорошо знаю семейную историю, напиши, что еще ты хотел бы узнать, и я с удовольствием тебе сообщу»⁷.

О городе, с которым так тесно связана судьба и самого писателя, и персонажей «Семейного цикла», следует сказать более подробно. Нови-Сад сложился и вырос на месте древнейших поселений. Только в отличие, например, от Белграда (города, исключительно важного для истории сербов и сербской литературы), когда город складывался рядом с укреплениями, позже – крепостью Калемегдан⁸, Нови-Сад располагался на противоположном от Петроварадинской крепости (левом) берегу Дуная. Одно из прежних названий города — Рацка (Ratzcenstadt, т. е. Сербский город⁹), потому что его населяли

событие известно под названиями «Облава в Южной Бачке» или «холодные дни».

7 *Kiš D. Iz prepiske. Beograd, 2021. S. 53.* Кузен Банди — один из тех старших кузенов, о которых в романе устами Анди Сама сказано так: «... щеголи, которые из Будапешта, где они учились, привезли венскую моду и плоды западного декаданса: серебряные мундштуки и ботинки на высоких каблуках. Принадлежащая им библиотека, занимающая в комнате целую стену, сверху донизу забита авантюрными романами в стиле “нуар”» (*Киш Д. Сад, пепел / перевод Е. Сагалович. М., 2022. С. 66*).

8 Философ и социолог Макс Вебер (1864–1920), в фундаментальном труде «Город», опубликованном посмертно (1921), одним из первых пытается сформулировать, каким образом возникает город как социальный институт в точке пересечения экономических, политических и военных функций человеческого поселения, каковы основополагающие признаки города. По Веберу, город — это ограниченная территория, центр ремесла и торговли; в городе обязательно наличие некоего войска, которое его охраняет, а сам город — крепость. (См.: *Вебер М. Город. М., 2018*).

9 Название (экзотопоним) восходит к названию одной из сербских исторических областей, как и этноним «расциане», который использовался в позднее Средневековье и раннее Новое время в монархии Габсбургов.

в основном сербы, но в нем также было много немцев, венгров, евреев, болгар, валахов и греков.

Что же касается литературы, а именно художественной прозы, то, по мнению исследователя Зорана Джерича, высказанному в монографии «Использование города» (2014)¹⁰, понятие «нови-садский роман» включает в себя целый круг произведений авторов разных поколений, для которых Нови-Сад — это не только «пространство, в котором они живут (жили) и пишут, но и пространство, которое они описывают»¹¹. Вопрос только в том, насколько город, описываемый ими, реален или воображаем.

В романе «Сад, пепел», истории, рассказанной мальчиком Андреасом Самом, город одновременно реален и воображаем, настолько, насколько его зафиксировала детская память и насколько способен «взрослый рассказчик вызвать воспоминания о детском опыте»¹². Это история о том, как отец семейства, следуя за своей мечтой создать идеальное «*Расписание движения автобусного, судоходного, железнодорожного и авиасообщения*»¹³ (здесь и далее курсив авто-

В 1702 г. поселение становится частью Военной границы империи Габсбургов, а в 1748 г. несколько богатых горожан, преимущественно сербов, отправляются в Вену, где подают императрице Марии-Терезии прошение о присвоении поселению статуса «вольного королевского города». Прошение было удовлетворено, и 1 февраля 1748 г. Мария-Терезия издала эдикт, согласно которому город получил название Neoplanta (на латыни), Neusatz an der Donau (на немецком), Újvidék (на венгерском), Нови-Сад (на сербском) и Млада Лоза (на болгарском). На протяжении XIX в. судьба города переживала взлеты и падения, но к концу столетия Нови-Сад называли «сербскими Афинами», потому что он стал признанным центром духовной и культурной жизни сербов, как в Австро-Венгрии, так и за ее пределами. Военная граница — полоса укрепленных поселений на границе империи Габсбургов и Османской империи; в том или ином виде существовала с середины XVI в. по 1881 г. С 1745 г. по 1881 г. Петроварадинская крепость с приписанным к ней Петроварадинским полком была частью Славонского округа Военной границы.

10 *Берућ З.* Употреба града. Нови Сад, 2014. (Название книги — отсылка к названию романа А. Тишмы «Использование человека», действии которого происходит в Нови-Саде.)

11 Там же. С. 7.

12 *Tompson M.* Izvod iz knjige rođenih. Priča o Danilu Kišu. Beograd, 2014. S. 158.

13 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 21–22.

ра), вложив в это начинание все семейные сбережения, оказывается банкротом. «Улица с конскими каштанами»¹⁴, где семья живет до банкротства отца, прекрасна, это мир благополучного детства Анди и благополучного быта семьи: «На нашей улице стволы конских каштанов соприкасались кронами, образуя что-то вроде перголы. Между могучими аркадами воздвигались своды, покрытые листвой, как плющом. В дни равноденствия или в обычные безветренные дни все это архитектурное творение стояло неподвижно и незыблемо, воплощенное в смелых конструкциях, только солнце время от времени пронзало густую листву своими не достигающими цели бандерильями. Пробившись сквозь ветви, кривые и сцепившиеся друг с другом, они некоторое время по инерции вибрировали, а потом таяли и капали на турецкую бульжную мостовую, как жидкое серебро»¹⁵. Подробное и поэтическое описание каштанов в благополучной части города резко контрастирует с описанием растительности в железнодорожном тупике, где семья оказывается после очередной смены квартиры, потому что после банкротства приходится все время переезжать, меняя дешевые кварталы на совсем скверные. Так, спасаясь от кредиторов и судебных исполнителей, семейство Сам уезжает с Улицы с конскими каштанами сначала «в низкий домик в самой бедной части города, точнее в какой-то дикий поселок, населенный цыганами, бродягами и люмпен-пролетариатом, как их называл мой отец»¹⁶. Домик стоит у железнодорожной насыпи, грохот поездов заглушает все, и даже самые простые разговоры превращаются в жестокие ссоры. А потом они и вовсе оказываются в предместье, рядом с железнодорожным тупиком, где «колея заросла бурьяном и черной крапивой... бурьян и трава, изуродованные наследственными болезнями крови, разрастались в каких-то нелепых формах»¹⁷. Смена растительности и то, как ее увидел маленький мальчик, не только оказывается изменением городского и пригородного ландшафта, но и становится маркером социальной деградации семьи. В конце концов, все

14 Эта реальная улица, которая до Второй мировой войны носила имя польского военачальника, героя венгерской революции 1848 г. Юзефа Бема (Бемова улица), после Второй мировой войны была переименована, сейчас называется Чипранова. В романе улица не названа, но известна из биографии писателя и названа в сборнике рассказов «Ранние горести».

15 Киш Д. Сад, пепел. С. 6–7.

16 Там же. С. 50.

17 Там же. С. 55.

они – Анди, старшая сестра Анна, мать и отец – оказываются в богатом имении родственников отца, в сельской местности, где из милости живут в садовом флигеле. И Улица с конскими каштанами, и даже уютный флигель — это Сад, райский сад детства. Но если в Саду еще можно укрыться от судебных исполнителей, то от антиеврейских законов Венгрии укрыться нельзя: и отца, и его родственников сначала переселяют в гетто, а потом они навсегда исчезают в печах Освенцима. На долю Анди, а потом взрослого Андреаса навсегда остается Пепел (метафора Ада), поиски отца, потому что могилы его нет, и поверить в смерть невозможно.

В романе «Сад, пепел» Нови-Сад накануне и в первые дни Второй мировой войны не назван, но абсолютно узнаваем. В первой части романа (до исчезновения отца) мы наблюдаем город глазами маленького Анди — Улицу с конскими каштанами, где живет семья Сам, вдыхаем запахи и слушаем звуки, наблюдаем за жизнью города, знакомимся с некоторыми его обитателями, отправляемся на загородную прогулку, слушаем (подслушиваем) вместе с Анди страшные городские легенды, слухи и сплетни. На Улице с конскими каштанами семья ведет обычный для своего круга образ жизни, и мальчик постепенно знакомится с городом. А на загородной прогулке, куда он с мамой и старшей сестрой воскресным утром отправляется на красном паровозике (новое в городской жизни — организованные поездки на природу по выходным¹⁸), герой впервые сталкивается с буйством природы (под конец прогулки разразилась страшная гроза, дождь изменил ландшафт, мама с детьми заблудились, но сумели выйти к поезду), а вернувшись в город, узнает: «...езде уже объявили о наступлении осени. Большие желтые плакаты призывали граждан к порядку и послушанию, а с аэроплана разбрасывали агитационные листовки, желтые и красные, в которых надменным языком победителей говорилось о предстоящем возмездии»¹⁹. Началась не только осень, но и Вторая мировая война, но уезжавшие на отдых

18 Система организованного социального туризма. По-видимому, была позаимствована в Германии, где в период 1933–1938 гг., до начала Второй мировой войны, была создана система организованных путешествий национал-социалистическим союзом «Сила через радость» (“Kraft und Freude”). В речи чиновника Дунайской Бановины, которую он произносит по случаю закрытия сезона, слышатся отголоски лозунгов о «спасительной гигиене» и «новой традиции».

19 *Книг Д.* Сад, пепел. С. 13.

горожане заметили это только в воскресенье²⁰. Горожанин, в отличие от сельского жителя, зависящего от природы и смены времен года, живет по формальному календарю²¹.

Город раннего детства Анди Сама (отчасти *alter ego* писателя), открытое пространство, *топос*, сливается с предместьями, куда можно приехать на том самом маленьком красном поезде, «который летом отвозит купальщиков на пляжи, а в другие времена года, кроме зимы, спешит в леса, в поля, и это уж по своему капризу и настроению»²². Сойдя с поезда, можно оказаться у ограды заброшенного имения и Графского сада. Это пространство, *локус*, закрытое в прямом смысле слова – за ограду заходить нельзя, но можно полюбоваться оленем и косулей, не нарушая «целостность одиночества и достоинства» пространства, но можно его присвоить, говоря «наш замок», «наш сад», «наши олени»²³.

Особый мир Анди — комната в квартире на Улице конских каштанов, обладающая всеми признаками *гетеротопии*, пространства, в котором герой переживает особый опыт. Здесь Анди впервые услышал от мамы о смерти: «“Умер твой дядя“, – сказала мама. <...> Слово “смерть“, это божественное семя, которое тем утром моя мать заронила в почву моего любопытства, вдруг начало вытягивать все соки из моего сознания. <...> Последствия этой слишком ранней обремененности мыслью о смерти проявились очень быстро: головокружение и рвотные позывы»²⁴. Если тема смерти — это «константа всего творчества Д. Киша» (см. также циклы рассказов «Гробница для Бориса Давидовича», «Энциклопедия смерти»), то осмысление маленьким мальчиком феномена смерти — «лирический вариант этой константы»²⁵. В этой же комнате Анди переживает и нечто сродни мистическому опыту, молясь перед сном, «засмотревшись на лик ангела, что бдит над детьми, переходящими через мост. Это была такая дешевая литография, цветная, в узкой позолоченной раме, мама получила ее в подарок, когда родилась Анна»²⁶. Мальчик читает «Отче наш», потом еще одну молитву, потом начинает считать, потому

20 Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г., в пятницу.

21 Более подробно о связи городского пространства и календарных ритуалов см.: Душечкина Е. В. «Строгая утеха созерцанья». М., 2022. С. 428–558.

22 Киш Д. Сад, пепел. С. 9–10.

23 Там же. С. 10–11.

24 Там же. С. 13–14.

25 Пантй М. Жош једном о Данилу Кишу. С. 16.

26 Киш Д. Сад, пепел. С. 17.

что детский счет — это своеобразная форма заклинания от всех напастей. Помимо приема «детской перспективы», здесь Д. Киш виртуозно применяет прием экфрасиса, подробно описывая литографию: «По мосту идет девочка, с букетом полевых цветов в руках, и мальчик в коротких штанишках. Мост трухлявый, часть досок выпала, а под мостом внизу, в пропасти, бурлит и пенится ручей. Смеркается, собирается гроза. Девочка одной рукой придерживает соломенную шляпку, мальчик прижимается к накренившейся ограде моста. А над ними, над их неуверенными шагами, над лиловой тьмой парит ангел-хранитель с распростертыми крылами. Нимфа из детских снов, женщина-бабочка...». Литография — одновременно и примета городского быта: Такие литографии с популярными сюжетами дарили родственникам и друзьям, ими украшали жилище. Эпизод с литографией — аллюзия на известный мистический опыт французского поэта и художника Макса Жакоба, узревшего ангела на фоне обоев своей комнаты и уверовавшего (правда, поэт в тот момент был взрослым мужчиной 33 лет).

В квартире на Улице конских каштанов есть все признаки и предметы, свидетельствующие о некотором достатке и благополучии: швейная машинка «Зингер», настольная лампа, буфет со стеклянной посудой, стол, накрытый скатертью из венгерского кружева, старинная оттоманка с обивкой «цвета подгнившей вишни»²⁷, — сфера удобной повседневности²⁸. У благополучия есть и запах — запах свежего постельного белья и запах отцовских сигарет «Симфония», который у маленького Анди ассоциируется с мужским началом в доме.

В благополучной жизни семья Сам еще путешествует на поезде дальнего следования²⁹. Накануне мама печет маковый рулет, пахнущий ванилью, вещи упакованы в чемодан из свиной кожи, пахнущий нафталином и одеколоном, а в утро начала путешествия «лошади пахнут сеном и сиренью»³⁰. Нови-Сад — город относительно небольшой,

27 Там же. С. 29, 34, 205–206.

28 Подробно о важности таких элементов повседневности, как вещь, интерьер, костюм, см., например: *Махлина С. Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб., 2009.

29 Тема железной дороги исключительно важна для романов и рассказов «Семейного цикла». Подробнее об этом: *Делић Ј.* Воз и возни ред у “Породичном циркусу” Данила Киша // Данило Киш. Нови-Сад, 2018. С. 417–426.

30 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 26.

в конце тридцатых годов здесь еще, кажется, нет таксомоторов, для ближних и дальних поездок нанимают извозчиков. Сейчас путешествие по железной дороге – приключение и радость, но потом, когда придется переехать и жить в «диком поселке» у насыпи, железная дорога превратится в кошмар. Но пока еще семейство Сам путешествует в вагоне первого класса, горожанин (и малыш Анди) восхищается, «уткнувшись носом в окно, игрой китайского домино пейзажей, темными прямоугольниками вспаханных полей, зелеными ромбами лугов и желтыми квадратами пшеницы, сияющими и болезненно дрожащими в мареве послеполуденного солнца»³¹. Купе первого класса — это тоже особое пространство, с особым светом и цветом, «где сияет кобальтовый свет ацетиленовых ламп, <...> сиденья из зеленого бархата, на которых растет миниатюрная, густая английская трава. Над сиденьями, как в садах, живая изгородь — из роз. <...> Внутри тепло <...> кобальтовая лампочка и аквамариновые глубины ее света, – все это превращало путешествие в тихий праздник <...>»³².

Как любой город, Нови-Сад у Киша изобилует разнообразными социально-антропологическими типами³³. Не будем забывать, что Нови-Сад всегда был городом многонациональным. И вот как Д. Киш описывает, например, *фольксдойче*: «... в коротких кожаных штанах и с рюкзаками на спинах они отправляются куда-то на выходные. На их крепких ногах подрагивают золотистые волоски, а за поясами — прекрасные скаутские ножи с рукоятками из розового дерева³⁴. Они играют на губных гармошках, подражая сверчкам. На углу у кондитерской с хлопком откупоривают бутылки с розовым клакером, пахучим, как одеколон. Потом опять подносят к своим рыбьим ртам губные гармошки и вгрызаются в них одним-единственным сжатием

31 Там же. С. 27.

32 Там же. С. 27, 29.

33 О социально-антропологических типах см.: *Белик А. А.* Культурная (социальная) антропология. М., 2009; *Ильмухин В. Н.* Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Серия Социология. 2014. № 3. С. 87–98; *Шабаетов Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248–267.

34 Точно такой же нож позже появится в «Гробнице для Бориса Давидовича» и сделает свою убийственную работу.

своих крепких челюстей»³⁵. Из других национальностей, населяющих город, упоминаются только цыгане, которые живут в своем поселке за железнодорожной насыпью.

Особый социальный тип, характерный даже для небольших городов, – это *городской сумасшедший*. Если взрослые достаточно индифферентны к таким проявлениям, то на городского ребенка эксцентричное поведение производит сильнейшее впечатление и остается в памяти на всю жизнь. Такова фрейлейн Вайс, старуха-немка, продающая леденцы на палочке, и она запомнилась Анди Саму. Одержимая манией самоубийства, фрейлейн Вайс пыталась совершить его в гостиничном номере, убранном цветами, в подражание какой-то столичной кинозвезде. «Потом она, несостоявшаяся жертва цветочных богов, падала под автомобили и трамваи, по ней проезжали крестьянские телеги и быстрые пролетки, а фрейлейн Вайс всякий раз выбиралась из-под колес, раненая, но живая, и так, в этом страстном соприкосновении со смертью, она познала тайну вечности. Стеная и издавая какие-то болезненные гортанные звуки, подобные плачу, проходит рядом с нами, словно переворачиваются грязные, пожелтевшие страницы какого-то зачитанного романа... *Gut'n Morgen, Fräulein Weiss. Küß die Hand!*»³⁶. Фрейлейн Вайс безобидна и описана с симпатией и легкой иронией, ее образ важен для раскрытия темы смерти.

Поражает детское воображение и господин Гаванский, близкий друг отца и партнер по игре в шахматы, прежде всего тем, что он был *вегетарианцем*, то есть «человеком, имевшим тесную связь с растениями»³⁷ (так городской ребенок понимает связь с природой³⁸ и трактует вегетарианство), а еще он умел показывать фокусы и всегда приносил детям гостинцы. У господина Гаванского был реальный прототип. В 60-е годы Д. Киш состоял в переписке и встречался с его вдовой, Терезией Гавански. После выхода в свет романа «Сад, пепел» он отправил ей экземпляр книги, и госпожа Гавански ответила, в частности, следующее: «Книгу, которую Вы мне любезно послали, с благодарностью получила и сразу открыла на 42-й странице!

35 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 9.

36 Там же. С. 8.

37 Там же. С. 38.

38 «Уже самого по себе факта, что господин Гаванский был вегетарианцем, то есть человеком, имевшим тесную связь с растениями, было достаточно, чтобы максимально возбудить мое любопытство» (*Киш Д.* Сад, пепел. С. 38).

(Предположительно в посвящении Киш обозначил страницу, где упоминается господин Гаванский. — Е. С.) Да, да! Они часто играли в шахматы, очень дружили. <...> Прекрасный текст, но как же это больно читать»³⁹.

Время от времени госпожу Сам посещает барышня Эдит. Она поражает детское воображение своей профессией *модистки*, изготавливающей только венчалные шляпки. Барышня Эдит страдает эпилепсией, «господской болезнью», и приносит в дом Самов «краски экзотики и *Weltschmerz*⁴⁰, мрачные и плотные ароматы своей женственности, какую-то странную, изысканную, я бы даже сказал, благородную атмосферу <...>, столичный сплин»⁴¹. Нови-Сад в описываемое время, несомненно, — город провинциальный, а история барышни Эдит — из разряда «страшных» и «столичных». Такие *истории и легенды* — обязательный элемент городской жизни, они могут быть очень похожи на правду, но при этом остаются выдумкой. «Барышня Эдит была помолвлена с одним венгерским графом, который оставил ее накануне свадьбы. Вместо свадебного подарка он прислал сверток, большую коробку, на которой большими буквами было написано название знаменитого одеколona *Chat noir*⁴². Когда барышня Эдит открыла коробку, из нее выскочила черная кошка, или только выпала черная кошка, задушенная проволокой»⁴³. Тогда-то с барышней и случился первый припадок. История о неудавшемся самоубийстве фрейлейн Вайс — из того же ряда похожих на правду, но недоказанных легенд. В этой истории также слышны отголоски *большого города*, потому что фрейлейн Вайс пытается повторить сценарий самоубийства столичной (Вена, Будапешт — непонятно) кинозвезды, который она вычитала в иллюстрированном журнале.

Еще одна подслушанная «страшная» история всплывает в памяти Анди уже в деревне, когда в имении родственников появляется щенок Динго. «Самое удивительное в щенке было то, что выражением глаз и морщинками вокруг пасти он невероятно походил на старую госпожу Книппер, деревенскую повитуху⁴⁴». При этом Анди более чем смущает такая ассоциация, ведь он давно, еще в городе,

39 *Kiš D.* Iz prepiske. S. 58–59.

40 Мировая скорбь (*нем.*).

41 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 35.

42 Черный кот (*франц.*).

43 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 32.

44 Там же. С. 169.

подслушал разговор мамы с госпожой Розикой, прачкой, о том, «что в Нови-Саде одна благородная дама родила шесть щенков, плод ее грешной связи с псом, немецкой овчаркой, которому еще при жизни завещала все свое богатство. Если раньше я воспринимал эту историю достаточно сдержанно, то теперь, глядя на щенка у нашего порога, убедился, что те рассказы не были выдумками госпожи Розики, и мама не воспротивилась сплетне не потому, что не хотела бы любой ценой доказать простоватой прачке, что это выдумки, а потому, что и сама верила в возможность такой связи и такого ее исхода»⁴⁵. Выскаязванная Анди гипотеза о возможном происхождении собачки вызывает у старшего кузена приступ гомерического хохота, потому что щенка отдала как раз акушерка, госпожа Книппер.

Тема *большого города*, по-настоящему большого, столичного, упоминается вскользь. Это, например, *столичный «сплин»* барышни Эдит и ее *венская элегантность*, сценарий самоубийства фрейлейн Вайс. От сельской местности Вена очень далека, *венскую моду* и *«декаданс»* привозят с собой старшие кузены Анди из Будапешта (или Пешты, как его здесь называют), а выписанные оттуда же тетушкой Ребеккой иллюстрированные журналы завершают свой славный путь разрезанными на кусочки, в деревенском нужнике, где становятся для Анди источником разнообразных, но бессистемных знаний, которые служат, в частности, и для того, чтобы произвести впечатление на одноклассницу Юлию.

Примерно в середине романа, как уже было сказано, история маленького Анди превращается в историю повзрослевшего Андреаса, который ищет и не может найти своего отца. История Сада становится историей Пепла. «Вот так, совсем неожиданно и непредвиденно, эта история, эта сказка, все больше превращается в историю моего отца, в историю гениального Эдуарда Сама»⁴⁶. Его отсутствие, его лунатизм, его миссионерство, все понятия, лишённые земного и, если угодно, повествовательного контекста, материя хрупкая, как сны, отмеченная прежде всего своими первичными отрицательными свойствами, — все это становится какой-то плотной, тяжелой тканью, материей совершенно неизвестного удельного веса. На ее фоне в тени оказываются личные истории, о матери, о сестре и обо мне самом, истории времен года и пейзажей. Все эти рассказы, отмеченные земными знаками и определенным историческим контекстом, становятся второстепенными, как исторические факты, судьба которых нас больше

45 Там же.

46 Эдуард Сам — тезка отца писателя.

не волнует, – мы их зафиксируем без спешки, в любой момент»⁴⁷. И так, в этом романе природа повествователя двойственна: он одновременно «лирически наивен и поэтически пронизателен»⁴⁸. Реальный отец и его реконструированные копии сливаются, становятся неуловимыми, скрываются от повзрослевшего Андреаса в «лабиринте города», который одновременно и бесконечно открыт, и герметически запечатан. Андреас не может поверить, что отца больше нет, отца, который одновременно Агасфер, Моисей, Иеремия, Христос и даже библейский Ной, гротескная фигура и страдалец одновременно. Последняя встреча с реальным отцом происходит в *гетто*. «Я едва его узнал»⁴⁹. Гетто — это тоже *гетеротопия*, место-гетероклит, почти кладбище, здесь остановилось время, хотя и присутствуют внешние проявления жизни (например, запахи подгоревшего гусяного жира и смолы, игры детей, женщины, развешивающие выстиранное белье, древние старцы во дворе). Гетто — это не город и не деревня, это место принудительного проживания, отсюда нельзя просто так уйти. Уйти из гетто — это (почти) всегда уход в смерть. А отец «и сам горько осознавал окончательность своего ухода и факт, что мы его навещаем, собственно говоря, как давнего знакомого, которому все простили, что мы приходим, как на могилу, один раз в год, в День всех святых»⁵⁰.

Детская психика отличается гибкостью, дети с легкостью принимают правила новой среды, поэтому и в деревне Анди не тоскует по городу. Но что происходит с горожанином до мозга костей Эдуардом Самом, отцом мальчика? В одном из последних разговоров отец, который оказался в сельской местности, по сути, случайно, не утрачивает своих городских привычек, продолжает носить городскую одежду и аксессуары — сюртук, полуцилиндр, галстук, целлулоидный воротничок⁵¹,

47 Киш Д. Сад, пепел. С. 121.

48 Пантйћ М. Још једном о Данилу Кишу. С. 15.

49 Киш Д. Сад, пепел. С. 143.

50 Там же.

51 Эдуард Сам не изменяет себе даже в мелочах, фактически на пороге смерти: «Письмо, точнее, обрывок конверта, он выбросил из опечатанного фургона и просил нашедшего передать по указанному адресу. Своим разборчивым, четким почерком, который почти не выдавал нервозности, по диагонали разорванного конверта он написал карандашом: «Воротнички совсем засалились. Это начинает действовать мне на нервы. Я сообщу вам адрес, куда вы мне их пришлете. Отечески люблю и волнуюсь за всех вас...» (Киш Д. Сад, пепел. С. 145).

серебряный портсигар, трость, – пеняет сыну: «Ты никогда не понимал своего отца. <...> А все это — влияние убогой, провинциальной среды, весьма неблагоприятной для твоего характера». При этом однажды, наблюдая отца, возвращающегося домой после очередного загула, мальчик видит, что тот, «лишенный барочного обрамления городских ворот и ярко освещенных вестибюлей отелей, <...> сейчас явился в свою натуральную величину, полностью утратив способность к мимикрии. Ведь он был неспособен к такому усилию — начать играть — он, шахматный ас, писатель, путешественник по миру и апостол, — роль какого-то крестьянина или дровосека»⁵². Казалось бы, такой персонаж в сельской местности должен занять нишу социального типа *деревенского дурачка*, но он остается *городским сумасшедшим*, и эта социальная роль для сельской местности неприемлема, в отличие от *деревенского дурачка*, который «свой» и понятный. Одинокие прогулки и жаркие монологи Эдуарда Сама вызывают подозрение крестьян и местных властей. Поэтому крестьянки неутомимо выслеживают его по окрестным полям и рощам, в надежде доказать, что он причастен к подрывной деятельности. «Вскоре все заботы по слежке за отцом взяли на себя “женщины третьего ордена”⁵³, полумные деревенские богомолки, носившие в знак своих заслуг веревку с тремя большими узлами, повязанную вокруг талии, набожные вдовы, гасившие адский жар своих чресл молитвой и постом, озабоченные и истеричные бабы, сублимирующие свою похоть в религиозный транс и суеверия»⁵⁴. Сцена поимки «опасного преступника» и попытки его распять, как Иисуса Христа, — одновременно горькая, трагическая и смешная. Эдуарду Саму, выходцу из еврейского местечка, в его молодые годы «урбанизация» далась непросто (к этому выводу приходит взрослый Андреас в попытках реконструировать образ отца) – это воплощение безрассудства, и тот факт, что он живет своими идеями, не отменяет чувств, порыв для него всегда на первом месте, что опровергает, по крайней мере в этом случае, тезис Г. Зиммеля о рассудочности горожан. И дело в не в том, что он не хочет сливаться с новой / старой средой, а в том, что для него, приложившего массу усилий, чтобы создать себя — горожанина, компромисс невозможен. Исчезая, Эдуард Сам превращается в миф и городскую легенду⁵⁵.

52 *Кииш Д.* Сад, пепел. С. 102.

53 Монахини в миру.

54 *Кииш Д.* Сад, пепел. С. 111.

55 Там же. С. 159.

Перед нами проходит череда второстепенных (по объему описания, но не по значению в жизни Анди и его семьи) персонажей — сельский священник, учительница, капитан жандармерии, чиновник жупании и т. д. Родственники Самов — особый типаж, характерный для этих краев (северо-западная Венгрия), — деревенские лавочники, но не чуждые городских манер еврейские торговцы, как и их сосед, господин Рейнвейн, отбывающий в гетто со всеми чадами, домочадцами и складскими запасами, почти как Ной на своем ковчеге.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что образ города, его топосы, локусы и гетеротопии в романе «Сад, пепел» — это та внутренняя среда, то художественное пространство, которое создано Кишем для персонажей романа; они прочно привязаны к месту своего обитания, за исключением отца, который постепенно превращается в почти мифическую фигуру. Позже Д. Киш разовьет эти темы в рассказах цикла «Ранние горести» и в романе «Песочные часы», где будут описаны примерно те же события, но в «Ранних горестях» увиденные глазами Анди, а в «Песочных часах» — глазами Э. С., Эдуарда Сама, отца. Город в описании Киша обладает рядом обязательных признаков с точки зрения восприятия его как персонажами, так и читателем. Это звуки, запахи, цвет и свет, вкус домашних завтраков, засахаренных фруктов, которым угощает господин Гаванский, и макового рулета, испеченного матерью для путешествия на поезде. Цветом и запахами наделены и комната в доме на Улице конских каштанов, и купе в вагоне первого класса, а ужасными звуками наполнен домишко у насыпи. Город предстает как в единстве социокультурного пространства, так и в виде индивидуального авторского концепта, реализующегося посредством комплекса визуальных, акустических, ольфакторных и вкусовых признаков.

Город — это место, где обитают представители разных социокультурных и антропологических типов. Описанию города и живущих в нем людей присущи динамика и психологизм. Внутренние монологи Анди и «детская перспектива» придают этим описаниям объем и создают особую атмосферу. Следует подчеркнуть реалистичность описаний города, его узнаваемость⁵⁶, присутствие исторического фона. Все события

56 Например, описание трамваев: «...голубые, желтые и зеленые <...>. В Нови-Саде до Второй мировой войны были две трамвайные линии, а сами трамваи были раскрашены в разные цвета» (Киш Д. Сад, пепел. С. 9).

в романе четко привязаны к определенным моментам истории XX в., как объективной (Вторая мировая война, оккупация Нови-Сада, погромы и облава января 1942 г.), так и субъективной (семьи Сам), то есть творческому методу Д. Киша свойственен историзм и объективность.

Созданное Д. Кишем в романе «Сад, пепел» художественное пространство города и отчасти сельской местности, которая в большей степени служит фоном страданий Эдуарда Сама и взросления Анди, а также метафорой утраченного счастья (слова матери в финале «Господи, как здесь быстро темнеет»⁵⁷, потому что в городе никогда не бывает так темно, как в деревне), характеризуется, при всей условности образов, конкретностью и узнаваемостью, оно наполнено воздухом, светом, запахами и звуками и раскрывает внутренний мир персонажей.

Источники и литература

- Белик А. А.* Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 613 с.
- Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018. 252 с.
- Делић Ј.* Воз и возни ред у “Породичном циклусу” Данила Киша // Данило Киш. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2018. С. 417–426.
- Душечкина Е. В.* «Строгая утеха созерцанья». М.: НЛЮ, 2022. С. 428–558.
- Берич З.* Употреба града. Савремени новосадски роман. Нови Сад: Сајнос, 2014. 138 с.
- Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.
- Ильмухин В. Н.* Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Серия Социология. 2014, № 3. С. 87–98.
- Киш Д.* Сад, пепел / перевод Е. Сагалович. М.: Инфинитив; Центр книги Рудомино, 2022. 208 с.
- Махлина С. Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009. 230 с.
- Пантић М.* Још једном о Данилу Кишу // Данило Киш. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2018. С. 7–32.
- Чиркович Сима М.* История сербов. М.: Весь мир, 2009. 448 с.
- Шабает Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248–267.

⁵⁷ Там же. С. 207.

- Kiš D. *Iz prepiske*. Beograd: Arhipelag, 2021. 631 s.
- Tompson M. *Izvod iz knjige rođenih. Priča o Danilu Kišu*. Beograd: Clio, 2014. 613 s.

References

- Belik, A. A. *Kul'turnaia (sotsial'naia) antropologija*. Moscow: RGGU, 2009, 613 p.
- Čirković S. *Istoriia serbov*. Moscow: Ves' mir, 2009, 448 p.
- Delić, J. "Voz i vozni red u „Porodičnom ciklusu“ Danila Kiša." *Danilo Kiš*. Novi Sad: Izdavački centar Matice srpske, 2018, pp. 417–426.
- Dushechkina, E. V. *Strogaia utekha sozertsan'ia*. Moscow: NLO, 2022, pp. 428–558.
- Đerić, Z. *Upotreba grada. Savremeni novosadski roman*. Novi Sad: Sajnos, 2014, 138 p.
- Ил'мухин, V. N. "Gorodskaiia sreda kak faktor determinatsii povedencheskikh praktik: varianty sotsiologicheskoi kontseptualizatsii." *Vestnik RUDN, seriia Sotsiologija*, 2014, no. 3, pp. 87–98.
- Kish, D. *Sad, pepel*. Moscow: Infinitiv: Tsentr knigi Rudomino, 2022, 208 p.
- Kiš, D. *Iz prepiske*. Beograd: Arhipelag, 2021, 631 p.
- Makhlina, C. T. *Semiotika kul'tury povsednevnosti*. St Petersburg: Aleteia, 2009, 230 p.
- Pantić, M. "Još jednom o Danilu Kišu." *Danilo Kiš*. Novi Sad: Izdavački centar Matice srpske, 2018, pp. 7–32.
- Shabaev, Yu. P., Sadohin, A. P., Labunova, O. V., Sazonova, N. N. "Antropologicheskoe ponimanie goroda i metodologija urbanisticheskogo izucheniia." *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny*, 2018, no. 3, pp. 248–267.
- Simmel, G. *Bol'shije goroda i dukhovnaia zhizn'*. Moscow: Strelka Press, 2018, 112 p.
- Tompson, M. *Izvod iz knjige rođenih. Priča o Danilu Kišu*. Beograd: Clio, 2014, 613 p.
- Weber, M. *Gorod*. Moscow: Strelka Press, 2018, 252 p.

The town and the townspeople in the novel “Garden, Ashes” by Danilo Kiš

Elena V. Sagalovich

Aspirant

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: 79857601842@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1235-7413

Citation

Sagalovich E. V. The town and the townspeople in the novel “Garden, Ashes” by Danilo Kiš // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 268–286 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.02

Received: 20.01.2023.

Abstract

The novel by Serbian author Danilo Kiš (1935–1989) “Garden, Ashes” (1965) is his first major work. The novel demonstrates the writer’s completely formed style, models and techniques, as well as his key themes and concepts. The topoi and loci of a relatively small provincial town, as well as the socio-anthropological types of the townspeople are presented through the prism of a “child’s perspective” in the memoirs of the narrator-hero, colored by the adult bitter irony. The town appears full of sounds, colors, smells, and the child’s memory captures urban legends, rumors, and everyday practices of townspeople (country walks on Sundays). In the novel there are also special spaces (heterotopia) — a room in a house on the Horse Chestnut Street, a train compartment, a ghetto where the father is sent— where the hero-narrator gets a special experience. The novel is based on the facts of the writer’s biography, closely related to the tragic events of the twentieth century (the World War II and the death of his father in Auschwitz).

Keywords

Danilo Kiš, topos, locus, heterotopia, ekphrasis, socio-anthropological type.